
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ, СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

DOI: 10.31249/lit/2024.03.03

ЮРЧЕНКО Т.Г.¹ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ МОДЕРНИЗМА. Рец. на кн.: Жеребин А.И. Место встречи – утопия : из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2023. – 421 с.

Аннотация. Рецензируемое издание представляет собой собрание очерков, посвященных литературе модернизма, трактуемого как последняя манифестация гуманистической утопии духовно-нравственного преображения жизни. Это пространство утопии как место «встречи» русской и немецкоязычной литератур освещено в четырех разделах книги в разных аспектах: «Герменевтическая утопия» – о литературе как открытом утопическом пространстве и соотношении всемирной литературы и национальных литератур; «Вокруг “Третьего царства”» – об идее чувственно-сверхчувственного синтеза и ее проявлении в литературах Германии и России; «Русский спор с Фрейдом» – о судьбе психоаналитического дискурса на русской почве; «Империя и революция» – о метафизическом смысле общественно-исторических преобразований. В рецензии дан краткий обзор разделов и сделан вывод о том, что представленный подход к проблеме модернистского дискурса весьма продуктивен: он позволяет более объемно выявить особенности литературы модернизма – с одной стороны, а с другой – в контексте описанного общего смыслового и герменевтического пространства по-новому раскрыть аспекты русско-немецкого культурного диалога.

¹ Юрченко Татьяна Генриховна – старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; yurchenko2003@mail.ru

Ключевые слова: модернизм; герменевтическая утопия; немецкая литература; русская литература; диалог культур; теория перевода.

Для цитирования: Юрченко Т.Г. Герменевтическая утопия модернизма [Рецензия] // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 3. – С. 31–44. – Рец. на кн.: Жеребин А.И. Место встречи – утопия : из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2023. – 421 с. – DOI: 10.31249/lit/2024.03.03

YURCHENKO T.G.¹ Hermeneutic utopia of modernism. Book review: Zherebin A.I. Meeting Place – Utopia: From the History of Literary Relations of Russia, Germany, Austria.

Abstract. The book under review is a collection of essays dedicated to the literature of modernism interpreted as the latest manifestation of the humanistic utopia of spiritual and moral transformation of life. This space of utopia as the “meeting place” of Russian and German-language literature is described in four sections of the book in different aspects: “Hermeneutic utopia” – about literature as an open utopian space and the relationship between world literature and national literatures; “Around the ‘Third Kingdom’” – about the idea of sensual–trans-sensory synthesis and its manifestation in Russian and German-language literatures; “Russian dispute with Freud” – about the fate of psychoanalytic discourse in Russia; “Empire and revolution” – on the metaphysical meaning of socio-historical transformations. The review provides the brief overview of the sections and concludes that the presented approach to the problem of modernist discourse is very productive: it allows us to more comprehensively identify the features of modernist literature, from the one hand, and from the other – to reveal in a new way aspects of Russian-German cultural dialogue in the context of the described common semantic and hermeneutical space.

Keywords: modernism; hermeneutic utopia; German literature; Russian literature; dialogue of cultures; translation theory.

¹ **Yurchenko Tatiana Genrikhovna** – Senior Researcher at the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; yurchenko2003@mail.ru

To cite this article: Yurchenko, Tatiana G. “Hermeneutic utopia of modernism. Book review: Zherebin A.I. Meeting Place – Utopia: From the History of Literary Relations of Russia, Germany, Austria”, *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 7: Literary Studies*, no. 3, 2024, pp. 31–44. DOI: 10.31249/lit/2024.03.03 (In Russian)

Новая книга доктора филологических наук Алексея Иосифовича Жеребина, известного своими исследованиями по германистике (см., напр.: [Жеребин, 2009; Жеребин, 2011; Жеребин, 2012]), объединяет работы, посвященные диалогу культур России, Германии и Австрии в эпоху модернизма, простирающуюся, отмечает автор, от позднего Просвещения и романтизма конца XVIII в. до неоавангарда и первых проявлений разрушившего своим принципом плюрализма семантическую целостность мира постмодернизма XX в. В свете свершившейся деконструкции модернизм явил собой заключительный этап гуманистической утопии – «последнюю форму культурного творчества на службе большой сотериологии» [Жеребин, 2023, с. 397]. Устанавливаемое сходство немецкого и русского модернизма в отношении к действительности, преломившееся в эквивалентных тематических комплексах, позволяет исследователю рассматривать русско-немецкий диалог как некий сверхтекст – общий смысловой континуум, основное содержание которого определяется (со ссылкой на И.П. Смирнова [см.: Смирнов, 2015]) как резкое противоречие между эмпирической историей общественно-политических практик (войны, колонизация, социальные реформы и т.д.), имеющих своей задачей установление власти, и историей идеалов, нацеленной на тотальное, преобразующее мир переустройство.

Именно как утопия спасения, переводящая «идеи и образы, подсказанные социальной действительностью, в зону контакта с абсолютным будущим», «пока искусство и философия мыслились как сила, способная одержать победу в состязании с социальной действительностью» [Жеребин, 2023, с. 7–8], трактуется модернизм исследователем. И именно в этом утопическом пространстве «восприятия и преобразования жизни» усматривается «встреча» русской и немецкоязычной литератур.

В книге представлены разные аспекты этой «встречи»: «мировая литература – национальная литература», «чувственно-материальная действительность – духовная реальность», «сознание –

бессознательное», «империя – революция», в соответствии с которыми статьи группируются по четырем разделам.

В первом разделе – «Герменевтическая утопия» – речь идет о литературе как открытом утопическом пространстве. Выдвинутая А.Н. Веселовским в конце XIX в. идея «исторической поэтики» положила начало подходу к истории всемирной литературы как объекту научной мысли: предложенный ученым сравнительно-исторический метод позволил рассматривать мировую литературу не как сумму всех литератур или некоторый канон избранных произведений, но как высшее единство, развивающееся по своим внутренним законам. С этой точки зрения, указывает А. Жеребин, история всемирной литературы обнаруживает свою связь с герменевтическим кругом, где целое понимается на основании отдельного, а отдельное – в связи с целым; выход из этого круга всегда иллюзорен. «Если результатом детального исследования каждой из частей становится необходимость переоценки первоначального представления о смысле целого, а смысл целого, обновляясь, заставляет все снова и снова возвращаться к исследованию частей в новой перспективе, то перед нами бесконечность, граничащая с утопией – утопией всемирной литературы, а в более широком плане – и эстетической гармонии мироздания» [Жеребин, 2023, с. 13].

Сама концепция мировой литературы явилась детищем романтической эпохи с ее идеей мистической диалектики: от примитивной неразделенности Бога и мира (золотого века) к сложному единству противоречащих друг другу индивидуальных форм (Царству Божию). Сформулированная Гёте оппозиция «национальная литература – мировая литература» как раз и предполагала интеграцию различных в своих национальных особенностях литератур как равноправных и взаимообусловленных частей единой системы.

К проблеме единой всемирной литературы вернулся Э. Ауэрбах, согласно которому мировая литература представляла «не как эмпирическая реальность, подлежащая научному описанию, но как эвристическая модель, позволяющая видеть частное по-иному, в ответах целого» [Жеребин, 2023, с. 27]. Таким образом, наука, которая может изучать только отдельные части всемирной литературы, оказывалась противопоставленной мифу, которому доступно осознание целого.

В аспекте «герменевтической утопии» рассмотрена в книге и проблема перевода. Герменевтика как теория понимания и искусство интерпретации, может стать, считает исследователь, который и сам, напомним, является практиком перевода, теоретическим основанием новой науки транслатологии, предмет которой выходит далеко за рамки лингвистической процедуры переложения с одного языка на другой. Отец герменевтики Х.-Г. Гадамер указывал на непреодолимую границу – культурную и историческую, отделяющую переводчика от текста. Однако разность языков – не только беда, но и благо, считает А. Жеребин, способствующее рождению новых смыслов, возникающих благодаря переводу на пересечении своего и чужого. Перевод как инструмент межкультурного общения «и есть тот процесс, в котором исходный текст умирает в своем прежнем качестве и возрождается в новом. Задача перевода – сделать так, чтобы текст перестал быть самим собой, развернуть его смысловой потенциал, обогатить, оплодотворить его ценностями своей культуры» [Жеребин, 2023, с. 40–41]. Это то, что на языке герменевтики Гадамера называлось «транспозицией» – перемещением, вживанием переводчика в чужой язык и чужую мысль. Возникает у Гадамера и понятие «слияние горизонтов», которое А. Жеребин считает основным как для герменевтики, так и для теории перевода. У Гадамера речь идет о горизонтах настоящего и прошлого, но, полагает исследователь, это применимо и к горизонтам синхронным, национальным, причем слияние не означает неразличимости элементов, но лишь открытость другому, наличие общей зоны смыслообразования.

Рассмотрены три концепции перевода как науки, возникшие в конце XX в. Одна из них принадлежит автору книги «После Вавилона» Джорджу Стайнеру [Steiner, 2004], полагающему, что переводчик в процессе работы проходит своего рода «герменевтический маршрут», включающий несколько этапов: от уверенности, что оригинал достоин перевода, и доверия к его смыслу, через насильственное овладение этим смыслом как чуждым, вплоть до уничтожения реальности воспроизводимого текста, затем к преодолению агрессии путем присвоения оригинала, пересадки его на почву своего сознания и культуры и дальнейшего «развертывания смыслового потенциала оригинального текста» как компенсации семантического ущерба (reciprocity), нанесенного тексту в ходе

«герменевтической аннексии» [Жеребин, 2023, с. 51]. Пример такого приращения смысла – вольные переводы Эвариста Парни, выполненные Пушкиным и превратившие второразрядного французского поэта в иностранного классика русской литературы.

Опытом синтеза компаративистики и транслатологии называет А. Жеребин концепцию Ю.М. Лотмана, изложенную в ряде работ 1980-х годов [см. Лотман, 1992; Лотман, 1996; Лотман, 2002]. Переключая внимание с личности переводчика на национальную культуру, рассматриваемую как коллективная семиотическая личность, Лотман, подобно Стайнеру, исследует межкультурный диалог как состоящий из нескольких этапов, перекликающихся с теми, что выделил Стайнер. Конечным результатом становится «возвратное движение» (в терминологии Стайнера – *reciprocity*): принимающая культура начинает возвращать чужой традиции ее собственные ценности, но обогащенные воспринявшей их средой.

Третья модель взаимодействия культур принадлежит французскому германисту Мишелю Эспаню [см.: Эспань, 2009]. Согласно его концепции, при переходе культурных границ семантические трансформации неизбежны, но тем самым текст возрождается в новом качестве, его смысл обогащается. Модель культурного трансфера Эспаня в известном смысле представляет собой синтез герменевтической модели Стайнера и семиотической – Лотмана: «Перемещенные артефакты становятся частью культурной памяти воспринявшей их культуры, вступают во взаимодействие со множеством других ее элементов, синхронных и извлекаемых из прошлого, и образуют вместе с ними объект творческой рецепции, пространство свободы и эксперимента» [Жеребин, 2023, с. 57]. Но ключевую роль в этом трансфере играет личность посредника.

Исследователь подчеркивает различие терминов «переводоведение» и «транслатология»: «Если преимущественным предметом переводоведения является поэтика перевода и его эстетические критерии, то преимущественный предмет транслатологии – это изменение социокультурной функции переводной литературы по сравнению с оригинальной» [Жеребин, 2023, с. 67]. Транслатология, таким образом, имеет непосредственное отношение к сравнительному изучению литератур. И наоборот: современная компаративистика, сосредоточенная на условиях и формах трансляции, может рассматриваться как одна из дисциплин науки о переводе.

В направлении транслатологии, по мнению А. Жеребина, движется Ю. Тынянов, заметивший в статье «Тютчев и Гейне» (1922), что Тютчев в своих переводах Гейне полемизирует с немецким поэтом с позиции романтизма, стилизуя державинские формы. Исследователь обращается и к этюду Тынянова «Блок и Гейне» (1921) – одному из «первых опытов обращения к технике поэтического перевода в аспекте сравнительного изучения литератур» [Жеребин, 2023, с. 86], где «типологическое сравнение разнонаправленных художественных систем Блока и Гейне служит Тынянову отправным пунктом для перехода к анализу различных вариантов осмысления социальной функции искусства» [Жеребин, 2023, с. 88]. И если в статье «Тютчев и Гейне» транслатологический аспект выражен не явно, то в статье «Блок и Гейне» представлены оба аспекта – и переводоведческий, касающийся поэтики перевода, и транслатологический, имеющий отношение к социальной функции перевода.

Размышляя о разграничении между интерпретацией, подразумевающей раскрытие семантического потенциала рассматриваемого произведения путем включения его в современный смысловой контекст (а в отношении изучения иностранной литературы – перенесение произведения в смысловое поле другой культуры и вовлечение его в диалог с читателем-интерпретатором с иным ментальным опытом), с одной стороны, и историческим анализом, предполагающим извлечение некоего воплощенного в произведении смысла, – с другой, исследователь отмечает явный сдвиг в сторону интерпретации, концепции открытого смысла. Перефразируя понятие Гадамера «слияние горизонтов», А. Жеребин формулирует так: «...свой горизонт, т.е. горизонт родной культуры интерпретатора, образуется не иначе, чем через контакт с чужим; он не существует сам по себе, подобно тому как не существует сам по себе и горизонт изучаемого иностранного текста, который мы пытаемся реконструировать. Отсюда следует, что акт понимания требует выхода за рамки дихотомии глобализации и национально-исторической локализации. Слияние горизонтов происходит в том случае, когда интерпретатор, не отказываясь от “своего”, делает его инструментом понимания “чужого”, а “чужое” – инструментом понимания “своего”» [Жеребин, 2023, с. 96–97].

Первый шаг инокультурной интерпретации – историческая реконтекстуализация. Второй – осознание того, что это не означает истинного понимания текста. Декларируемый в отечественном литературоведении идеал «обратного перевода» на практике нередко подменяется русской перспективой. Яркий пример – книга В.М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914), где вся концепция, подчеркивает А. Жеребин, выстроена на русском фундаменте.

Солидаризируясь с мыслью В. Дильтея, что гуманитарные науки ориентированы не на объективное объяснение, но на интересубъективное понимание, исследователь замечает, что «современная интернационализация не означает отмены культурных различий. Именно игра на этих различиях, их педалирование или деконструкция, образуют *raison d'être* русского литературоведения западного цикла» [Жеребин, 2023, с. 105–106]. Многие отечественные исследования зарубежной литературы в основе своей являются компаративистскими, поскольку мышление исследователя детерминировано кодом его национальной культуры. Осознать этот факт, чтобы продуктивно использовать свою «внеаходимость» (термин М.М. Бахтина), считает А. Жеребин, – насущная задача русской науки о литературах Запада, если она хочет считаться фактом русской культуры и играть в международных исследованиях самостоятельную роль.

Второй раздел – «Вокруг “Третьего царства”» – включает статьи о гуманистической утопии «Третьего царства» как синтеза одухотворенной плоти и воплощенного духа в произведениях русского и немецкого модернизма. Романтическая утопия «Царства Божия» как религиозной и эстетической «революции духа» рассматривается на примере романа Гёльдерлина «Гиперион». Утопия Гёльдерлина «предполагает реализацию христианской идеи спасения в посюстороннем мире исторической действительности, в форме “свободного государства”, которое завоюет себе место на земле. Имя этого государства, а точнее братства свободных людей, – “священная теократия красоты”» [Жеребин, 2023, с. 116], создаваемая гражданами как художниками своей жизни. Исследователь устанавливает параллель между ситуацией, в которой оказались немецкие романтики, отвернувшиеся от диктатуры предавших религиозную идею «революции духа» якобинцев, и тем положением

вещей, с которым столкнулись русские мыслители начала XX в.: концепция «Третьего царства» Д.С. Мережковского обнаруживает свою близость с утопией Гёльдерлина.

Конфликт чувственно-материального и духовно-нравственного сближает русский декаданс и с радикальной антропологией Ф. Ницше, чьим присутствием пронизаны сочинения Мережковского. Опровергая утверждение о наличии специфически русской концепции ницшеанства, согласно которой трактовка сверхчеловека как ступени на пути к Богочеловеку Христу принадлежит В. Соловьеву, а идея отождествления Диониса и Христа – Вяч. Иванову, А. Жеребин замечает, что образы христианского и языческого богов сближает сам Ницше, когда одну половину своих писем Козиме Вагнер в 1899 г. подписывает словом «Распятый», а другую – именем Диониса.

Гуманистическая утопия «Третьего царства» как немецко-русский (западно-восточный) культурный синтез присуща и Томасу Манну, для которого русская литература – и прежде всего, русский роман, стала воплощением человечности, «святой русской литературой», и на которого большое влияние оказали идеи Д. Мережковского.

С идеей «Третьего царства» сопоставляется и концепция богочеловечества Мартина Бубера, в которой исследователь усматривает «транскрипцию “мистического реализма” йенских романтиков, восходящего, в свою очередь, ко всей широчайшей традиции средневековой мистики и возрожденного к новой жизни в эпоху русского религиозно-философского Ренессанса» [Жеребин, 2023, с. 190].

Еще одним участником русско-немецкого диалога, привлечшим внимание исследователя, стал Отто Вейнингер, который в своей книге «Пол и характер» (1903), обличая моральную деградацию общества и призывая к нравственному очищению, бросил вызов русской культуре с ее стремлением к богочеловеческому синтезу. Самоубийство автора в том же 1903 г. явилось протестом против лжи современной феминизированной (а женщина, по Вейнингеру, – противоположность божественного в человеке) жизни во имя чистого духа и одновременно разрывом с многовековой традицией обожествления жизни. Русские символисты приняли этот вызов, выдвинув концепцию одухотворенной плоти и вопло-

ценного духа. «Русская критика, – пишет А. Жеребин, – актуализирует имеющиеся у Вейнингера черты “русского мировоззрения” (апокалиптический максимализм, бинарную структуру мышления, онтологическое понимание психологии), вовлекает его текст в национальное пространство религиозно-философского дискурса, а затем выбрасывает его переработанным по структуре своего языка как объект полемики, которая служит прояснению и уточнению собственной позиции – утопии андрогинной культуры» [Жеребин, 2023, с. 208].

Отдельное внимание в рамках общей проблематики книги уделено судьбе психоанализа на русской почве, чему посвящен третий раздел – «Русский спор с Фрейдом». Критика фрейдизма с позиции религиозного символизма прослеживается, в частности, в книге «Этика преображенного Эроса» Б.П. Вышеславцева (1931), противопоставившего фрейдистскому либидо эрос Платона, понимаемый как «эротическая энергия восхождения к абсолютному совершенству богочеловечества» [Жеребин, 2023, с. 234]. Другой представитель философии русского религиозного возрождения, С.Л. Франк, в своей статье «Психоанализ как мировоззрение» (1930) утверждению Фрейда о том, что человеком управляют архаические бессознательные сексуальные влечения, вытесненные культурным сознанием и подлежащие освобождению воспоминанию, противопоставил первоначальную причастность человека божественному всеединству, «бытие человека в Боге, абсолютное тождество человеческого сознания с божественным» [Жеребин, 2023, с. 238], т.е. царство свободы, а не необходимости.

Интерес к Фрейду прослеживается и в творчестве футуристов группы «41°» (Алексей Кручёных, Илья Зданевич, Игорь Терентьев), где глубинные пласты психики находят выражение в зауми, смысловых и звуковых сдвигах, свободных ассоциациях, игре с описками и опечатками и др. Элементы психоаналитического дискурса вписаны у поэтов, отмечает А. Жеребин, в более широкий контекст, где на первом плане – утопия творческого хаоса и зарождение нового космического сознания, что самому Фрейду, отвергавшему религиозно-мистическое сознание как иллюзию, было принципиально чуждо.

Психоанализ был осмыслен, отмечает исследователь, во многом сходно символистами и марксистами, которых сближало

«отношение к искусству как к функции общественного бытия, т.е. того, что само искусством пока не является, но должно им стать... Марксизм, как и символизм, входит в авангардистскую парадигму в той мере, в какой их эстетические программы предполагали переосмысление принципа автономии искусства и выдвигали задачу ретотализации культуры» [Жеребин, 2023, с. 263].

Рассматривая фрейдомарксизм, синтезировавший психологическое и социальное и ставший наиболее ярким эпизодом усвоения фрейдизма в России, исследователь обращается к книге Л. Троцкого «Литература и революция» (1923), отмечая, что работа пронизана идеей онтологизации искусства в духе авангардизма и трактует социальную революцию как эстетическую деятельность по созданию нового человека-художника, позволяющую одержать победу над силами бессознательного (по аналогии с победой над хаосом капитализма в экономике) не подчинением «принципа удовольствия» «принципу реальности», как у Фрейда, но снятием противоречия между ними.

Важным этапом на пути к религиозному сознанию становится после 1910 г. в России и рецепция аналитической психологии Юнга, отождествившего выдвинутое им понятие «архетипа» с эйдосами Платона. «Общим знаменателем, который обеспечивал возможность диалога, даже синтеза символистских и психологических концептов, служила расширительная, восходящая к Платону трактовка эроса как творческой энергии жизни» [Жеребин, 2023, с. 279]. Увлечение Юнгом наиболее отчетливо, считает А. Жеребин, выразилось у Б.П. Вышеславцева, а также – у Вяч. Иванова, прежде всего, в его культурфилософской прозе 1930-х годов: эссе «Русская идея» (1930), книге «Достоевский. Трагедия – миф – мистика» (1932), поэтическом этюде «Anima» (1935).

Заключительный, четвертый раздел книги, «Империя и революция», объединяет статьи, в которых затрагиваются проблемы философского и художественного осмысления общественно-политических проблем. Как «авторский проект», главное свершение «железного канцлера» Отто фон Бисмарка интерпретируется рождение Германской империи из раздробленной в течение столетий Германии путем монархической «революции сверху». Бисмарк, реализовавший романтическую модель государства, объединил, по мнению немецких интеллектуалов, «не только немец-

кие княжества, но и два трагически разделенных царства – царство духа и царство плоти» [Жеребин, 2023, с. 305].

К неожиданному выводу приходит исследователь при анализе рассказа Ф. Кафки «Приговор» (1913), где наряду с конфликтом отца и сына – Георга, развивается конфликт между Георгом и его другом, уехавшим в Петербург. Петербург как рационалистический город-утопия, результат «революции сверху», созданный волей Петра I, имеет в русской культуре вполне определенные коннотации, представляя, с одной стороны, как творение гения Петра, «строителя чудотворного», а с другой – как зловещий город-призрак, возведенный ценой тысяч загубленных жизней. «Антитеза падения и возвышения, смерти и жизни, инфернального и сакрального аспектов бытия образует в рассказе Кафки полярную идейно-образную структуру, развивающуюся в направлении сотеариологической утопии. Маркированная авторскими упоминаниями Петербурга, эта структура допускает, – считает исследователь, – возможность включения “Приговора” в обширное смысловое поле, центром которого является “петербургский текст русской литературы”» [Жеребин, 2023, с. 334].

«Парадоксальное торжество религиозно-эстетической утопии» [Жеребин, 2023, с. 351] усматривает исследователь в романе австрийского писателя Йозефа Рота «Иов» (1930, рус. пер. 1999), главный герой которого Мендель Зингер, испытывая страдания и бедствия, бунтует против Бога.

Размышляя об Октябрьской революции, А. Жеребин указывает на недостаточное внимание к ее метафизическому смыслу, поисками которого определялась вся история дискурса о революции, – тому, что социальная революция лишь подготовительный этап, за которым должна последовать «революция духа». «Инвариантная идея заключалась в том, что революция есть творческий акт воплощения в исторической жизни сверхисторического смысла истории – преодоления дуалистической картины мира и восхождения к синтезу абсолютного и относительного, феноменального и ноуменального, небесного и земного» [Жеребин, 2023, с. 368]. Русская революция воспринималась модернистским сознанием как прорыв к иной реальности – к богочеловеческой свободе, однако убеждение в том, что философское и художественное

творчество творит новую объективную реальность, так и осталось, заключает исследователь, эстетической утопией.

Научная ценность книги А. Жеребина несомненна. Необычный ракурс рассмотрения немецко-русского диалога эпохи модернизма сквозь призму конфликта «логосферы» и «социосферы», определяемого невозможностью воплощения утопических идеалов в эмпирической реальности, углубляет представление как о самом модернистском дискурсе, так и об отдельных произведениях. Собранные под одной обложкой ранее публиковавшиеся статьи позволяют, пожалуй, впервые в таком объемном виде представить «встречу» русской и немецкоязычной литератур в общем пространстве устремленной к эсхатологической перспективе спасения модернистской утопии.

Издание удачно дополняют библиография основных работ автора как историка литературы и переводчика, а также именной указатель – неременная составляющая каждого серьезного исследования.

Список литературы

1. *Жеребин А.И.* Абсолютная реальность. «Молодая Вена» и русская литература. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 160 с.
2. *Жеребин А.И.* Вертикальная линия. Венский модерн в смысловом пространстве русской культуры. – Санкт-Петербург : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2011. – 536 с.
3. *Жеребин А.И.* Место встречи – утопия : из истории литературных отношений России, Германии, Австрии. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2023. – 421 с.
4. *Жеребин А.И.* От Виланда до Кафки. Очерки по истории немецкой литературы. – Санкт-Петербург : Изд-во им. Н.И. Новикова : Галина скрипсит, 2012. – 480 с.
5. *Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур [семиотический аспект] // Избранные статьи : в 3 т. – Таллин, 1992. – Т. 1. – С. 110–120.
6. *Лотман Ю.М.* Механизмы диалога // *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек. Текст. Семиосфера. История. – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 193–204.
7. *Лотман Ю.М.* Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2002. – С. 47–55.
8. *Смирнов И.П.* Превращения смысла. – Москва : Новое литературное обозрение, 2015. – 304 с.

9. *Эспань М.* О понятии культурного трансфера // Европейский контекст русского формализма (к проблеме эстетических пересечений : Франция, Германия, Италия, Россия) / под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. – Москва : ИМЛИ РАН, 2009. – С. 7–18, 77–97.
10. *Steiner G.* Nach Babel. Aspekte der Sprache und des Übersetzens. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 2004. – 487 S.